

УДК 316.324.8

ОТ ПРОИЗВОДСТВА К УПРАВЛЕНИЮ: СТРАТЕГИЯ СУБЛИМАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

А.Г. Некита

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

E-mail: beresten@mail.ru

Приведен анализ процессов трансформации классической европейской системы управления, сложившейся в ходе промышленной революции, которая в границах постиндустриального мира бессознательно тяготеет к сублимации производства и деятельности во власть и управление как ведущие формы их симуляции и виртуализации.

Ключевые слова:

Власть, производство, управление, социальный институт, бессознательное отчуждение, сублимация, инфляция, революция менеджеров, массовое общество.

Key words:

The power, manufacture, management, social institute, unconscious alienation, sublimation, inflation, revolution of managers, mass society.

Предпринятый К. Марксом в середине XIX в. анализ диалектики общественного производства позволил определить структуру этого процесса, выявить его ключевые элементы и стратегическое направление эволюции. Речь идет о взаимной детерминации производительных сил и производственных отношений, составляющих основу любого способа производства. Политэкономическая стратегия Карла Маркса, в первую очередь, связывалась с тем, что он в своих системных посылах исходил, в том числе, и из «вскормленных» многовековыми утопическими мечтаниями, романтических грез Просвещения, выражающихся в идеализации способов социального взаимодействия людей. Воспетая десятками мыслителей вплоть до XVIII в. вера в невиданные возможности человеческого разума, является ключевой, в том числе, и для классиков марксизма. И даже если они рассуждают об отчуждении [1] как основе любых форм социальной несправедливости и вскрывают законы, по которым она функционирует в пределах конкретной социальной системы, тем не менее, это аксиоматическое положение определяет дух их произведений, отражающих неизбежный, по их мнению, процесс исхода в цивилизованное небытие последней в европейской истории эпохи, да и самой сути гуманизма.

Положенная в качестве ведущего методологического принципа идея общественного производства как всеобщего организационного основания человеческого взаимодействия была нацелена на выявление роли деятельностного начала в диалектике исторически преходящих форм социального прогресса, в целом справедливо трактовавшихся К. Марксом как сменяющие друг друга формационные реинкарнации отчуждения. Поэтому, несмотря на обнаруженные противоречия в сменяющих друг друга способах производства, характеризующие эскалацию социальной конфронтации в борьбе за возможность индивидуального и коллективного выживания, К. Марксу и Ф. Эн-

гельсу удалось продемонстрировать такие свойства человеческой природы, которые, несмотря на любые социальные конфликты, способны рано или поздно осуществить идею всеобщего освобождения человека и создания среды реализации его родовой сущности.

Однако, к сожалению, ушедшее XX столетие было временем, когда человек оказался в такой конфигурации, хоть и предсказанных К. Марксом, но все же невиданных прежде отчужденных социальных отношений, что даже их поверхностный анализ наталкивает на мысль о принципиальной социальной трансформации его природы по сравнению с прежними периодами в истории. Помимо стремления к созиданию и такому же «дейтельному» разрушению природной и социальной среды цивилизованный человек этого самого кровавого в истории столетия успел показать себя еще и как абсолютно инертный, безразличный, апатичный, депрессивный конформист-потребитель, постоянно выжидающий, и маскирующийся под очередной предложенный властью сценарий социального партнерства в корпоративном переделе мира. То есть сегодня наглядно обнаруживается весьма странный антропологический парадокс: человек массово производит такую социальную «среду», которая изначально игнорирует необходимость какого бы то ни было творческого участия в ее осуществлении, и, как следствие, у него формируется комплекс бессознательных установок, изначальная частность которого повсеместно обслуживает социальную систему всеобщего неучастия.

Этот парадокс, с подачи власти воспроизводимый и тиражируемый во всех видах социальных практик, превращается со временем в господствующую цивилизационную парадигму отношений части и целого. Поэтому, сегодня возникает совершенно закономерный вопрос, какое место теперь в ней занимает принцип активного, деятельностного отношения к миру, традиционно в истории цивилизации представляемый производством?

Следует признать, что современный, развращенный урбанизмом и угодливым сервисом обыватель, является существом в массе своей не способным к самостоятельному установлению и поддержанию отношений со средой, причем, как еще с сохраняющейся природной, так и с господствующей массовидной социальной. Подобная коммуникативная «импотенция» обнаруживает себя не только в многократно умножившихся способах отчуждения человека от мира, но и, в первую очередь, обращается апатией или «выученной беспомощностью» индивида к своим собственным физическим и духовным проблемам. А значит, если принцип деятельности как формы активного изменения себя и мира перестает быть актуальным для нашего современника, то полагать и в дальнейшем материальное производство ведущим способом отношения к окружающей среде оказывается экономически невыгодно, социально нецелесообразно и политически ошибочно. Таким образом, закономерным следствием распространения подобной парадигмы выступает повсеместная замена способов реального преобразования мира частными и корпоративными иллюзиями относительно форм и параметров его потребительского оприходования — материальное производство (или как традиционно принято говорить «реальный сектор экономики») практически повсеместно заменяется идеологизацией и апологетикой потребления как полярной по сравнению с ним формы отношения к среде, изначально предусмотренной логикой производственного цикла.

Системные исследования динамики потребления в Европе, России и мире неоднократно и наглядно демонстрируют сформировавшийся и углубляющийся после Второй мировой войны крен в области политико-экономической организации социальной жизни. Речь идет о потреблении [2–4], которое в результате и становится той сферой перманентной идеологической апробации властных моделей управления, где максимально реализуется вышеуказанная парадигма, состоящая, помимо всего прочего, еще и в бессознательной сублимации восходящего еще к инстинкту деятельностного начала в социально нейтральные и политически лояльные формы взаимодействия индивида со средой. В этом контексте деградация реального сектора производства является уже не просто «досадным» экономическим просчетом, а, к сожалению, неизбежным следствием широкого внедрения подобных способов организации социального взаимодействия. В результате этого в ряде ведущих держав мира объем рынка мобильных услуг и компьютерных игр значительно превышает реальный сектор экономики.

Чем же в таком случае обеспечивается процесс потребления в ведущих странах мира на фоне прогрессирующей деградации так называемого «реального сектора экономики»? Здесь обнаруживается несколько взаимосвязанных тенденций. *Во-первых*, это разработка технологий по производству

новых композитных материалов и повсеместное их внедрение в извне «конструируемую» повседневность человека. *Во-вторых*, конструирование новых промышленных и продовольственных товаров на основании *искусственных* (непосредственно не существующих в природе) элементов как отражение вновь возникающих социализированных потребностей и отношений, замещающих естественные нужды людей. *В-третьих*, создание мощнейшего аппарата рекламы как товарно-пропагандистской апологетики властно-обывательского потребления жизни. *В-четвертых*, это тенденция, связанная со стремлением высокоразвитых мировых экономик к «освобождению» от издержек индустриального способа производства путем переноса/вытеснения наиболее трудоемких и потому «грязных» видов промышленности на территории «недоцивилизованных» стран, где принцип деятельного отношения к миру все еще считается (вынужденно!) ведущим социальным стереотипом. *В-пятых*, внедрение новых систем автоматизации производственных и управленческих процессов позволяет перераспределить значительную долю высвобождающихся работников и их рабочего времени в сферу обслуживания процесса потребления, стремящегося заполнить собой все доступное социальное пространство и сферу повседневности. При этом, и качественные показатели состояния человечества на рубеже XXI в. убедительно демонстрируют специфику его цивилизационного развития, а также позволяют сформировать целый ряд прогнозов по поводу особенностей трансформации социальных укладов в политических реалиях нового столетия, представленных в целом ряде авторитетных междисциплинарных исследований [2–4].

В этих условиях возникает невиданная ранее возможность доминирования тщательно маскируемой, «теневой» сущности производства и непосредственно связанного с ним процесса управления. Наблюдая трансформацию современных социальных систем, основанных на производстве как ведущем способе материального преобразования окружающего мира, в направлении господства сферы услуг и досуга (распределения—обмена—потребления) следует отметить, что сегодня человечество находится на рубеже классической и постклассической эпохи, которая характеризуется нестабильностью всех наличных способов социально-производственного взаимодействия, что в полной мере подтверждается мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2010 гг.

Цивилизационная эволюция экономики, представленная в сменяющих друг друга способах производства и институализации их основных противоречий, также позволяет установить и те приоритеты, которые обуславливают производственное оформление процессов социального движения материи. Исторически первые формы изготовления предметов потребления, как правило, опирались на самостоятельную инициативу и личный опыт

длительного освоения мастером и кругом его ближайших учеников (родственников и соседей) окружающего мира. И этот процесс вряд ли можно назвать производством, в классическом, буржуазном понимании этого слова, именно потому, что он практически не был связан с диктатурой социального заказа и характеризовался соблюдением естественного, «мерного» отношения к бытию («от каждого – по способностям, каждому – по потребностям»).

В то же время, выпуск предметов потребления в границах даже низко организованного производства, например, такого как, гончарная мастерская или промысловая артель, уже обусловлен необходимостью хотя бы минимальной управленческой координации подобной специализированной деятельности. Кроме этого, характер производственного взаимодействия напрямую зависит, как справедливо отметил К. Маркс [5], от отношений собственности, от того, кому принадлежат как средства и предметы труда, так и прибыль, полученная в результате реализации произведенного продукта/товара. Поэтому характер производственной деятельности, в первую очередь, определяет косвенно производимые нею «общественные отношения» и детерминируемую ими модель управления, которая впоследствии и задает основные социальные параметры как самого производства, так представляющего его продукта/товара, а также принципы функционирования всей социальной системы в целом.

В данном случае, по мнению автора, не совсем верной будет дальнейшая стереотипная интерпретация производственных отношений только лишь как совокупности «материальных экономических отношений между людьми в процессе общественного производства и движения общественного продукта от производства до потребления» [6]. И даже рассуждения самого К. Маркса выглядят на фоне реальной социальной практики весьма абстрактно: «В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» [7. С. 441].

Подобного рода высказывания сегодня уже не позволяют определить ни конкретные отношения (управленческие) приоритеты, которые задают рамки той или иной производственной деятельности, ни ее социальную инфраструктуру. Но именно характер менеджерских решений и интенсивность управленческого воздействия становятся залогом эффективности производственной коммуникации, которая, после прохождения многих этапов оформления, оседает в некоторых корпоративных кодексах, и начинает существовать в качестве самодовлеющей над производителями

и самим производственным процессом «сверхъестественной силы».

Таким образом, многовековая эволюция массового общества представляет собой поиск, а затем и сложный переход от частных и индивидуализированных форм отчуждения к отчуждению как доминирующей, специфической форме социальной коммуникации, к *бессознательному отчуждению как главному «производственному отношению» массового общества* и, в итоге, самодовлеющему социальному институту, лежащему в основе всей системы его расширенного социального воспроизводства.

В результате придания производству исключительного социального статуса и определения его в качестве основного повода и главной арены классового/институционального взаимодействия, система производственного управления становится моделью управления социального, а синтезированная множасьими производственно-управленческими абстракциями власть выступает отныне и ведущей производительной силой, и самой средой формирования подобных бессознательно отчужденных производственных/социальных отношений.

Поначалу еще стремящаяся к более или менее достоверной имитации контуров материально-производственной целесообразности, власть на более зрелых этапах становления цивилизации все более тяготеет к формированию собственных иррациональных культов, внедряемых не только непосредственно в систему производства, но и практически во все форматируемое им социальное пространство, включая и сферу повседневности массовизируемого, таким образом, индивида. Его периодический «засев» *«вирусом насилия и подчинения»* реализуется посредством опять же патронируемой властью системы производства, традиционно концентрирующегося на получении прибыли от реализации товара, который понимался как «материальное изделие, предлагаемое рынку с целью его приобретения, использования или потребления» [8].

Именно товар как некая субстанциональная среда объективации потребностей и отношений, с сокрытым в его недрах бессознательным импульсом к экстенсивному расширению армии его «рабов-потребителей», выступает в массовом обществе тем символическим пространством, в котором власть всегда обнаруживает и «материализует» себя в зависимости от своих тактических задач. Поэтому становление цивилизованной социальности как исключительно производственного пространства, представленного номенклатурой выпускаемых товаров и прогрессистской динамикой их массового потребления, и составляет потребительскую сущность феноменологии власти. Впрочем, следует оговориться, что рассмотрение власти как ведущего института в контексте социальной объективации вещного мира, придающей каждому отдельному предмету функционально-производственный

и уже потому *товарный* статус, может составить отдельное и достаточно развернутое исследование.

Возвращаясь же к анализу роли производства в становлении системы власти, необходимо указать на то, что перманентная модернизация процессов промышленной обработки материи и изготовления товаров непосредственно связана с закономерностями, определяющими специфику институализации власти. И потому стремление производителя к повышению уровня технологичности производства напрямую связано с формированием и лоббированием определенных оптимизированных моделей социального управления массами производителей/потребителей. Однако именно оно в последствии и определяет характер трансформации производства в направлении его механизации, последующей автоматизации и постепенной автономизации как от конечного потребителя, так и от отпочковывающегося (чтобы со временем приобрести доминирующий социальный статус, едва скрывающего свои возрастающие властные амбиции) менеджерского сервилитета.

Буржуазный культ прибыли «езде и любой ценой» рано или поздно, с необходимостью, должен был обусловить также и отказ крупных собственников от абстрактных политэкономических схем, выявляющих зависимость производства от реальных потребностей обывателей. А процесс технологизации производства позволял постепенно наращивать управленческую мощь и выводить ее из отдельно стоящих фабричных цехов и корпусов на просторы еще дикой, а значит недостаточно цивилизованной и упорядоченной производственным циклом социальной среды. Это неминуемо приводит и к модернизации уже существующей модели социального управления, сущность которой теперь выражается не столько в действительной и отвечающей характеру и масштабам цивилизационной «войны с природой» оптимизации социальных связей, сколько в искусственном сведении их умножающегося многообразия к ряду ведущих моделей товарно-потребительского функционирования обывателей. Подобные стратегии обнаруживают себя и в направлениях трансформации властных приоритетов и в способах их топологической репрезентации.

Если раньше исследователи традиционно говорили об управленческих «верхах» и управляемых «низах», то эпоха постиндустриального производства породила «третий», специфический, социальный слой управленцев (часто их называют «белыми воротничками», «средним классом», «менеджерами»), который непосредственно появился в результате крушения и виртуализации индустриально-деятельностной картины мира. Именно эта социальная группа является сегодня официально признаваемой опорой любой «демократической» власти, поскольку закрепленная за ней функция *производства управления* как ведущего социального товара и господствующего производственного отношения позволяет ей осуществлять тотальный

контроль как за самим процессом производства, так и за потреблением произведенных материальных и духовных богатств. В самом деле, повсеместно внедряемая с конца XIX – начала XX вв. модель управления, более известная как «революция менеджеров», непосредственно связана именно с «вытеснением» группы ведущих капиталистов-собственников с арены социально-экономической жизни и замены их особой, более «ручной» для власти управленческо-административной стратой.

Эта тенденция наиболее ярко проявилась после второй мировой войны и была зафиксирована целым рядом выдающихся мыслителей XX в. Так П. Сорокин [9–11] обнаружил, что слой менеджеров появился именно в результате постепенной трансформации класса капиталистов, а Т. Парсонс [12–14] установил, что современная модель производства обусловлена уже не способами контроля над нею семей собственников корпораций, а производится управленческим и техническим персоналом. В то же время, известный футуролог Д. Белл [15] уже в 60-е гг. прошлого века констатировал фактическую «смерть» традиционной теории классов, которая выражалась в обнаруженных им социальных тенденциях, связанных с окончательным разделением в социальном производстве самой собственности и, ставшей самодостаточным социальным институтом, управленческой функции формального контроля за ней. Таким образом, именно статус нынешнего менеджера во многом определяет не только облик и структуру производства начала XXI в., но и характер ежедневно «производимых» им современными бессознательно отчужденных социальных отношений.

С другой стороны, следует отметить, что стратегия бессознательной автономизации власти от все более массовизирующегося общества, порожденная в лоне галолирующих товарно-производственных процессов, достаточно четко фиксирует те социальные тенденции, появление которых непосредственно связывается с возникновением и последующим расширением принципа специализации производства, затем распространившегося на все социальное пространство. В этом смысле, власть абсолютно адекватно и последовательно, на протяжении всей своей истории, воспроизводит логику производственно-корпоративной «частности», с необходимостью осуществляющуюся в процессе расширенного воспроизводства номенклатуры социальных институтов как ее специализированных агентов (в стиле вездесущего, предельно «типизированного», а потому и практически неистребимого «агента Смита» из «Матрицы» братьев Вачовски), выступающих бессознательными проводниками и лоббистами тех или иных *исходящих* властных импульсов.

При этом, «прогресс» системы управления ими непосредственно выражается в превращении всей социальности в демократическую, «рыночную» среду бесконечно делящихся, виртуальных товарных частных/клонов, бессознательно стре-

мящихся окончательно высвободится от архаической материальной детерминации функционирования деятельности-производственного цикла. Примечательно, что именно на волне «революции менеджеров» этим настойчивым бессознательным позывам было суждено осуществиться в полной мере.

Даже поверхностный анализ сущности современного ценообразования в контексте эволюции социального управления наглядно демонстрирует как основания складывающейся веками практики бессознательных социальных манипуляций массами потребителей, так и позволяет очертить горизонты будущих институциональных «демаршей», бессознательно ориентированных на упрочение социальных позиций власти. Рассмотрим классическую политэкономическую модель социального управления, представленную в механизме ценообразования. Исторически цена, в первую очередь, была обусловлена стремлением собственников и предпринимателей компенсировать совокупность материальных затрат на производство товаров, а успешность маркетинговой политики позволяла осуществлять расширенное воспроизводство как самих товаров, так и всего производственного цикла, а, соответственно, и стоящей за ним власти. Примечательно и то, что «твердая» цена была для массы производителей и потребителей некоторым универсальным всеобщим показателем стабильности всей социальной системы, легитимности избранной цивилизацией модели покорения природы и, в том числе, служила залогом нерушимости базовых властных приоритетов, знаком стабильности авторитета самой власти у бессознательных производящих и потребительских масс.

Введение, начиная с эпохи Великих географических открытий, в систему экономических, а затем и политических координат инфляционного принципа позволяет зафиксировать те специфические процессы, которые определили не столько собственно глобальные производственные тенденции, сколько детерминируемую ими трансформацию властных стратегий. Показательно, что даже для честных экономистов, само наличие, а тем более распространение инфляции свидетельствует не о кризисе производства или перепроизводства, а напрямую указывает на заангажированность власти в перманентном придании социальной системе имиджа динамики и мобильности. Причем, эти показатели будут ровно такими, какой в данный момент будет «плавающий» рыночный курс стоимости самой власти, а значит и доля «привязанного» к нему социального хаоса. Так в контексте упоминавшейся «революции менеджеров», цена, ее инфляционный эскорт и социальная инфраструктура все более освобождаются от детерминации утрачивающего материальность производства и все более проявляют хищнический, паразитарный характер менеджерского сервилитета.

Показательно и то, что придание инфляции статуса базового социального показателя, одноз-

начно связывается с резким всплеском количества чиновников-менеджеров, обслуживающих всю социальную пирамиду. А поскольку практически все инфляционные явления сегодня традиционно интерпретируются исключительно в контексте «положительной динамики» массового общества, можно предположить, что резервы идеологической экзегетики в ходе многочисленных политических кампаний социальной роли инфляции еще далеко не исчерпаны. Так или иначе, единожды познав результаты невиданных управленческих возможностей, которые предоставляет в ее распоряжение инфляция, власть никогда более не позволит ни себе, ни подведомственным ей социальным институтам, даже в мыслях допустить достижение нею минимально возможного уровня, обусловленного трофическими потребностями системы, и тем более ее полного искоренения.

Можно констатировать, что подобная логика власти с необходимостью формирует социальное пространство таким образом, что в этих условиях оно утрачивает способность адекватно устанавливать и отслеживать соотношение реальных и виртуальных компонентов цены каждого представленного на рынке товара. Это свидетельствует об утрате индивидуальных способностей различения первичных и последующих уровней преобразования материи, что становится возможным лишь при условии разрастающейся внутри каждого индивида пропасти между экзистенциальными и социальными уровнями её отражения. Опять же, подобная ситуация оказывается возможной лишь тогда, когда обыватель становится практически нечувствительным к ментальным и материальным граням подвергающегося многовековой практике разрушительной социальной объективации предметного мира.

Кроме этого, инфляция становится одной из ведущих властных практик, нацеленных на погружение индивида во «фрустрационный шок» перед угрозой знакового размывания архетипических оснований бытия сознания и тела. Оказываясь в биржевом потоке цен и новостей, инструкций и норм, правил и требований обыватель, стремящийся хоть как-то зафиксировать в повседневности свой социальный статус, вынужден признать собственную несостоятельность в борьбе с социальными условиями и по-новому «переосмыслить» непреходящую значимость власти как единственную силу, способную укротить или хотя бы ограничить массовый хаос. Но уровень инфляции, как указывалось выше, — это еще и базовый показатель, демонстрирующий продуктивность властного внедрения технологий разрушения сознания человека, поскольку инфляционному обезличиванию подвергается не столько сама товарная среда социальной коммуникации масс, сколько накопленный в поколениях потенциал коллективного опыта по осуществлению его экзистенции.

Таким образом, даже беглый анализ сущности технологии инфляционного воздействия на обыва-

теля и среды его массового пребывания, позволяет наглядно убедиться в практическом значении реализованного многовекового стремления власти по собственной автономизации от природной и социальной среды. Она относится не только к отдельному человеку, который для нее фактически никогда не существовал в качестве самоценного и самодостаточного субъекта социальных отношений, но и ко всем производимым нею институтам как формальным основаниям своего господства, а также к самому производству, выступающему материальной основой социальной трансформации принципа организационной целесообразности власти в технологию ее расширенного воспроизводства, не обремененного ни особенностями конкретного способа производства, ни представляющей его товарной номенклатурой.

Итак, современный контекст исследования сущности генезиса власти и ее институциональной инфраструктуры позволяет констатировать, что, в конце XX в., впервые начиная с эпохи промыш-

ленных революций и сопровождающих их социальных потрясений, власти удалось в достаточной мере абстрагироваться от брэнности деятельностно-производственного способа превращения материи. Результатом этого стало внедрение в социальную практику такой управленческой парадигмы, в рамках которой любой произведенный товар не только автоматически становился бессознательным, «теневым», структурным отражением власти, но и после его внедрения в сферу потребительской повседневности неминуемо превращался в *виртуальный вирус*, формирующий интимное пространство домашней экзистенции в тотально контролируемую властью зону собственной безопасности. Именно смена производственного принципа управленческим является исторически переходящим способом сублимации деятельности в ее имитационные формы, что позволяет определить единственный технологический приоритет массового общества – расширенное воспроизводство института власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., Т. 1–50. – М.: Госполитиздат, 1955–1981. – Т. 42. – С. 41–174.
2. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 [Электронный ресурс] / Сост. С. Кара-Мурза, С. Батчиков, С. Глазьев. – М.: Алгоритм, 2008. – 442 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – С. 19–72.
4. Гуткин, Л.С. Человечество на рубеже веков: Показатели социально-экономического развития стран мира. – М.: Логос, 2003. – 216 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Политиздат, 1988. – Т. 16. – 574 с.
6. Келле В.Ж. Ковальзон М.Я. Производственные отношения // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. / Ред. колл. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
7. Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 1–50. – М.: Госполитиздат, 1955–1981. – Т. 6. – С. 428–459.
8. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. – С. 1097.
9. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., сост. и послесловие Т.С. Васильева. – М.: Наука, 1997. – 351 с.
10. Сорокин П.А. Голод и идеология общества // Квинтэссенция. – М.: Политиздат, 1990. – С. 376–413 с.
11. Сорокин П.А. Человек, цивилизация и общество. – М.: Политиздат, 1991. – 506 с.
12. Парсонс Т. О структуре социального действия / под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. – М.: Академический проект, 2002. – 880 с.
13. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. – 1993. – № 2. – С. 94–122.
14. Парсонс Т. Система современных обществ / под ред. М.С. Ковалёвой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
15. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Поступила 28.04.2010 г.